

Жизнь одной узбекской женщины



Автор, почетный сотрудник прокуратуры
Содилов Аззамбек Юсупович

Аъзамбек Содиков

Жизнь одной узбекской женщины

«Издательские решения»

Соди́ков А.

Жизнь одной узбекской женщины / А. Соди́ков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693121-3

Эта книга написана о человеке, который не стремился быть заметным, но стал опорой для многих. Назира опа является двоюродной сестрой моей мамы. Она дочь старшего дяди, который ушёл на фронт и так и не вернулся. Его отсутствие стало частью семейной судьбы, а Назира опа с ранних лет несла в себе ту особую тишину и стойкость, которые рождаются там, где жизнь требует терпения.

ISBN 978-5-00-693121-3

© Соди́ков А.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь одной узбекской женщины	6
Слово автора	8
Введение	9
Глава №1	10
Глава №2	12
Глава №3	14
Глава №4	15
Глава №5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жизнь одной узбекской женщины

Аъзамбек Содиков

© Аъзамбек Содиков, 2026

ISBN 978-5-0069-3121-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь одной узбекской женщины



Автор: почетный сотрудник прокуратуры Содиков Аъзамбек Юсупович

Слово автора

Эта книга написана о человеке, который не стремился быть заметным, но стал опорой для многих. Назира опа является двоюродной сестрой моей мамы. Она дочь старшего дяди, который ушёл на фронт и так и не вернулся. Его отсутствие стало частью семейной судьбы, а Назира опа с ранних лет несла в себе ту особую тишину и стойкость, которые рождаются там, где жизнь требует терпения.

Моя мама очень сильно любила и уважала Назиру опа. Это была не просто родственная близость. Это было глубокое, тихое уважение, которое не нуждается в объяснениях. Назира опа учила мою маму чтению Корана, была для неё примером стойкости, терпения и правильного отношения к жизни. С детства я видел это уважение, но только со временем по настоящему понял, почему моя мама так сильно любила её.

Говорят, что внутреннее состояние человека со временем становится видно по лицу. Добрый он или злой, искренний или лукавый, терпеливый или раздражённый. Лицо со временем начинает говорить за человека. У Назира опа доброту можно прочесть сразу. Когда она улыбается, вместе с ней улыбаются её глаза. В этом взгляде нет суеты, нет скрытого упрёка или усталой злости. В нём есть принятие, мягкость и глубокое терпение.

Она настолько добрая и терпеливая, что от её лица словно исходит невидимый свет. Это не красивые слова и не преувеличение. Есть люди, рядом с которыми становится спокойно, даже если они ничего не говорят. Назира опа именно из таких. Я знаю несколько женщин, которых можно назвать по настоящему добрыми, но мне кажется, что она самая добрая из них. Не показной добротой, а той, которая прожита годами, испытаниями, потерями и благодарностью.

Для меня честь и огромное счастье посвятить ей эту книгу. Я хочу сказать честно, написать эту книгу не стоило большого труда. Труд был не в словах. Настоящее ожидание и настоящее волнение для меня это момент, когда я вручу ей эту книгу как подарок и увижу счастье на её лице. Увидеть, как она читает, как улыбается, как тихо радуется, для меня это огромная награда и настоящее счастье.

Отблагодарить её за такую доброту не хватит и тысячи книг. И я знаю это точно. Потому что есть люди, чей вклад в жизнь других нельзя измерить ни словами, ни страницами. Но я верю, что эта книга была написана не случайно. Мне кажется, что это не я посвятил ей эту книгу. Это Всевышний посвятил ей эту книгу моими руками.

Если в этих страницах есть тепло, терпение и свет, значит, они пришли от неё. И если эта книга сохранит хотя бы часть той доброты, которой наполнена её жизнь, значит, она была написана не напрасно.

Введение

Эта книга родилась не как литературный замысел и не как попытка рассказать необычную историю. Она возникла из памяти, из прожитых лет, из тихого желания оставить след не в словах, а в смысле. Это рассказ о жизни, какой она была, без украшений и без сокращений, с её трудом и радостями, потерями и надеждой, с верой, которая держала тогда, когда казалось, что держаться больше не за что.

Перед читателем не героиня в привычном понимании и не судьба, отмеченная громкими событиями. Перед читателем женщина, мать, невестка, бабушка, человек своего времени. Та, чья жизнь прошла среди обычных забот, полей и домов, фабрик и дорог, болезней и выздоровлений, рождений и расставаний. Та, чья сила была не в словах, а в умении терпеть, принимать и продолжать идти.

Эта книга написана от первого лица, потому что память не знает расстояния. Всё, о чём здесь говорится, прожито лично и сохранено сердцем. В ней нет вымышленных сцен и приукрашенных чувств. Здесь только то, что было, как было, и чему суждено было стать частью одного человеческого пути. Это рассказ о поколении, которое умело молчать, работать и верить. О женщинах, которые не называли себя сильными, но были ими по самой своей сути.

Особое место в этой книге занимает семья. Родители и дети, братья и сёстры, дяди и тёти, внуки и правнуки. Род как живая нить, которая не обрывается, если её бережно держат. Через судьбу одной женщины раскрывается история целой семьи и целого времени, в котором забота о близких была не выбором, а естественным состоянием души.

Эта книга не учит и не наставляет напрямую. Она просто рассказывает. Но в этом рассказе есть тишина, в которой можно услышать важное. О терпении, которое спасает. О благодарности, которая исцеляет. О вере, которая не требует громких слов. О доме, где живут старики, и о свете, который там никогда не гаснет.

Пусть эти страницы станут напоминанием о том, что жизнь имеет смысл даже тогда, когда она кажется тяжёлой. Что путь человека ценен не величиим поступков, а чистотой намерений. И что всё прожитое не исчезает, если оно продолжилось в детях, в памяти и в переданном тепле.

Эта книга – не итог. Это тихое свидетельство жизни, прожитой с достоинством.

Глава №1

Я родилась 21 декабря 1936 года в Ташкенте, на улице Тахтапул. Зима тогда стояла настоящая, холодная и ясная, с тем особым запахом дыма и сырой земли, который навсегда остается в памяти тех, чье детство прошло в старых ташкентских дворах. В холодное время года мы жили в Тахтапуле, а с наступлением тепла перебирались в «дала ховли», в районе нынешнего Юнусабада, недалеко от радиостанции. Так проходило наше кочевое, по нынешним меркам, существование между городом и полем, между глиняными стенами зимнего дома и открытым пространством земли, где человек особенно остро чувствует зависимость от природы и судьбы.

Мой дед, Обид домла, был человеком строгим и глубоко верующим. У него родилось около двадцати детей, но судьба оказалась беспощадной. В живых осталось только шестеро, остальные умерли еще в младенчестве, от болезней, от слабости, от того, что тогда называли просто Божьей волей. Первой выжила дочь Нурра, вторым был мой отец, Миродил, родившийся приблизительно в 1909 году. Уже одно это обстоятельство многое говорит о том времени, когда сама жизнь была хрупкой и неустойчивой, а каждый прожитый год считался милостью.

Мой отец получил высшее образование, что для тех лет было большой редкостью. Он работал на кондитерской фабрике «Урток», которая находилась рядом с Алайским базаром, и со временем дослужился до должности главного бухгалтера. Это была уважаемая и ответственная работа. В семье им гордились. Но в 1942 году его призвали на фронт. Письма от него приходили редко, но каждое мы ждали с замиранием сердца. Последнее письмо было особенным. Его писал уже не сам отец, а командир отряда. В нем говорилось, что отряд вступает в бой, и отец просит молиться за него. Это письмо стало последним. Потом были долгие месяцы ожидания, надежды, тишины. А затем пришло черное письмо с извещением о гибели. После него дед еще долго писал во все инстанции, разыскивал, надеялся. В ответ приходили сухие формулировки о том, что он числится пропавшим без вести. Только в 1950 году дед прекратил поиски, смирившись с тем, что судьба моего отца решилась там, на войне.

Мою мать звали Муборак. Она была дочерью Мавлон кори. В той семье тоже было немало детей, и судьбы их складывались по-разному. Мать родилась приблизительно в 1914 или 1915 году. С отцом они поженились в 1932 году. В 1933 году родился мой старший брат Эркин, а через три года появилась на свет я. Нас в семье было всего двое. В 1938 году, когда мне не исполнилось и двух лет, мать тяжело заболела. У нее появилась страшная язва, болезнь, которую тогда называли просто «куйдирги яра», а позже стали называть сибирской язвой. Болезнь развивалась стремительно, и вскоре матери не стало. Ее похоронили на кладбище «Тешик копкок» в Алмазарском районе Ташкента. Так я осталась без матери, а спустя несколько лет и без отца.

После смерти родителей нас с братом воспитывали дед Обид домла и бабушка Зебинисо. Их дом стал для нас единственной опорой, местом, где, несмотря на бедность и тяжесть времени, сохранялись порядок, труд и уважение к жизни. В этом доме я начала осознавать мир, слушая разговоры взрослых, наблюдая, как пережитые утраты делают людей сдержанными, но внутренне крепкими. Детство мое началось не с беззаботности, а с тишины после горя, с раннего понимания того, что жизнь требует терпения и труда.

Так начался мой путь, путь человека, чье рождение пришлось на предвоенные годы, а первые воспоминания оказались связаны не с играми, а с утратами, дорогами между домами и ощущением того, что семья, даже поредевшая и уставшая, остается единственным настоящим богатством.

После смерти матери мир вокруг словно стал тише. Я была слишком мала, чтобы осознать утрату полностью, но я очень рано почувствовала пустоту. В доме изменилось все. Исчез

женский голос, исчезла та незримая забота, которая держит семью, даже когда никто об этом не говорит. Остались дед и бабушка, строгие, собранные, привыкшие не жаловаться и не показывать боль.

Бабушку звали Зебинисо. Она была женщиной сильной, молчаливой и удивительно выносливой. На ней держался весь быт. Она вставала раньше всех, готовила, следила за хозяйством, за нами с братом, за полем, за домом. Ее руки всегда были заняты работой, но в этих руках было спокойствие. Дед, Обид домла, был для нас авторитетом и опорой. Его слово не обсуждалось, но в его строгости никогда не было жестокости. Он умел молиться и работать с одинаковой сосредоточенностью, и этим он учил нас жизни лучше любых наставлений.

Мы продолжали жить между Таштапулом и нашим посевным полем в районе нынешнего Юнусабада. Летом поле становилось нашим главным домом. Там была одна закрытая комната и айван. В этой комнате мы спали, отдыхали, прятались от жары и дождя. Поле жило по своим законам. Утро начиналось рано, день был долгим, вечер приходил незаметно, уставший и пыльный. Электричества там не было, и по вечерам мы зажигали керосиновую лампу. Ее желтый, дрожащий свет освещал наши лица, тетради, кастрюли, руки, уставшие от работы.

Дрова мы заготавливали сами, обрезая собственные деревья. На этих дровах готовили пищу. Готовили в основном плов и норин. Норин дед любил особенно, поэтому его делали много. В поле мы пекли лепешки, потому что там был тандыр. Хлеб мы делали сами. Зимой, когда возвращались в Себзор, хлеб уже покупали в магазине, потому что в городском доме тандыра не было.

После ухода матери забота обо мне легла и на моих дядей, Кодира и Хаёта. Я была самой младшей, и они часто брали меня с собой. Они водили меня в парк имени Пушкина, который сегодня носит имя Абдуллы Кадыри. Этот парк сохранился и сейчас, но для меня он навсегда остался местом детской радости, где я впервые почувствовала, что мир может быть не только тяжелым, но и светлым.

Родственники со стороны матери тоже не забывали нас. Они часто приходили, забирали меня и брата к себе в гости, в дом на массиве Бешёгоч. Они водили нас на Комсомольское озеро. Тогда там был всего один аттракцион, маленький поезд, но для нас он был целым путешествием. Я до сих пор помню пирожки за четыре копейки, знаменитые Бешёгочские пирожки, вкус которых навсегда остался во мне как вкус детства, несмотря на голод и трудности.

Дом деда находился на улице, которая в те годы называлась Кадалат. Сейчас это место известно как Корасарой. В этом доме родились почти все дети Обид домла. Тогда женщины рожали дома, и только позже стали ездить в родильные дома. Я родилась уже в родильном доме номер три, который находился в старом городе, за типографией. Сейчас его нет, на его месте построена галерея Заркайнар, но в моей памяти это место живо, как точка начала моей жизни.

Этот дом, дедовский дом, был не просто строением. Он был центром семьи, ее корнем. Даже когда позже часть семьи переехала в новый дом на Тахтапуле, именно Кадалат оставался местом, где начиналась наша история. Там прошли первые годы моей жизни, годы, в которых не было матери, но была семья, была работа, был хлеб, испеченный своими руками, и было чувство, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается.

Так прошло мое раннее детство, среди утрат и заботы, среди поля и старого города, под светом керосиновой лампы, в доме, который держал нас, когда казалось, что держаться уже не за что.

Глава №2

Война вошла в нашу жизнь не сразу, а как тяжелый, затяжной холод. Сначала она ощущалась в разговорах взрослых, в редких письмах с фронта, в тревожных взглядах. Потом она стала частью быта. Исчезли привычные продукты, изменился ритм жизни, каждое утро начиналось с мысли о том, как прожить еще один день.

Во время войны особенно остро чувствовался голод. Вся пшеница почти полностью уходила на фронт, и хлеб стал редкостью. Тогда мы начали сеять кукурузу. Из кукурузной муки пекли лепешки, которые назывались зогора нон. Этот хлеб был грубым, непривычным, но он спасал. Мы ели его без жалоб, потому что другого просто не было. В такие моменты человек учится благодарности за самую простую пищу.

Дядя Кодир, несмотря на то что учился в институте, много работал в поле. В самый тяжелый период он даже сломал часть виноградника и посадил на этом месте картошку. Это было вынужденное решение, продиктованное не расчетом, а необходимостью. Картошка спасала от голода, ее можно было хранить, варить, делить на всех. Земля кормила нас тогда буквально.

Осенью, после того как колхоз убирал урожай, на полях оставалось много картошки. Когда начинались дожди, клубни выходили на поверхность, и люди снова шли в поле. Мы ходили туда с бабушкой, с подружками, как и многие другие. Колхоз уже не интересовался этим остатком, а для нас он был настоящим спасением. Мы собирали картошку молча, сосредоточенно, понимая, что каждая найденная картофелина это еще один день без голода.

Дни были тяжелыми, но еще тяжелее становились ночи. Зимой военные часто обходили дома, разыскивая спрятавшихся призывников. Они заходили внезапно, без предупреждения, поднимали одеяла, заглядывали в лица спящих. Однажды они пришли и к нам. Когда они открыли одеяло дяди Кодира, он лежал свернувшись, как ребенок, в позе эмбриона. Солдаты посмотрели на него и сказали, что он еще маленький, и ушли. Мы тогда долго не могли уснуть, прислушиваясь к каждому шороху.

Голод делал людей уязвимыми, особенно детей. Я помню один случай, который навсегда остался во мне. В нашем старом доме на Кадалате жила моя подружка. Я была совсем маленькой, лет пяти. Она голодала, и мне было невыносимо смотреть, как она страдает. Я тайком два раза вынесла ей корм, который предназначался для скотины. Мне казалось, что любая еда лучше, чем ничего. На третий раз бабушка Зебинисо заметила это. Когда она узнала, зачем я это делаю, она строго отругала меня и сказала, что от такой пищи девочка могла умереть. Я тогда не понимала опасности. Я знала только одно, мне было жалко мою подружку, и я хотела, чтобы она поела.

Этот эпизод стал для меня первым настоящим уроком сострадания и ответственности. Я впервые столкнулась с тем, что доброе намерение может быть опасным, если не знаешь меры и последствий. Но вместе с этим я поняла и другое, что равнодушие гораздо страшнее любой ошибки.

Болезнь лишила мать, а война лишила нас отца, лишила привычной жизни, но она же рано научила меня видеть чужую боль и не проходить мимо нее. В условиях голода, страха и постоянной неопределенности формировался мой характер. Я росла среди людей, которые мало говорили о чувствах, но много делали, чтобы выжить и сохранить друг друга.

Мое детство проходило без безделья. С самого раннего возраста работа стала естественной частью жизни, такой же привычной, как сон или еда. Мы жили землей, и земля требовала постоянного внимания. Весной начинались посевы, летом уход за растениями, осенью сбор урожая, а зимой подготовка к новому году труда. В этом круге не было пауз, и каждый член семьи, независимо от возраста, знал свое место.

В нашем хозяйстве была корова. Мы доили ее, а молоко отвозили на базар и продавали. Я была еще маленькой, но часто ходила вместе со взрослыми. На вырученные деньги мы покупали хлеб и самые необходимые продукты. Иногда я оставалась дома и занималась тем, что могла делать, вырывала сорняки, присматривала за скотиной, помогала по мелочам. Работа не делилась на важную и неважную, каждая была нужной.

Перед нашим полем находились и государственные земли. Чтобы птицы не склевали зерно и фрукты, нужно было постоянно их отгонять. Для этого делали простые приспособления, шумелки, тряпки на палках, и я целыми днями бегала по полю, размахивая ими, смеясь и крича. Также я заходила и на государственную землю, отгоняя птиц и там. Тогда никто особенно не разбирался, где чья граница, главное было сохранить урожай.

Когда мы возвращались из школы, мы не отдыхали. По дороге мы читали то, что задали на уроки. Мы шли пешком от Себзора до Юнусабада, читая на ходу, а дома сразу выходили в поле. Письменные задания делали поздно ночью, после работы. Днем времени на это не было. В обед мы готовили самую простую еду, лишь бы не тратить много времени, и снова шли работать. Вечером, после тяжелого дня, готовили уже более сытную пищу.

Света в поле не было, и все делалось при свете керосиновой лампы. Этот свет сопровождал нас постоянно. Под ним мы ели, шили, читали, разговаривали. Он стал частью нашей жизни, как и запах керосина, который до сих пор вызывает у меня воспоминания о тех годах.

Зимой, когда полевых работ становилось меньше, дед решил, что я не должна сидеть без дела по вечерам. Он настоял, чтобы я научилась шить. Наша соседка работала швеей на фабрике и согласилась обучить меня. Я научилась шить мужские тюбетейки и украинские рубашки, которые тогда были в моде. Мы шили именно зимой, потому что летом и весной на это просто не оставалось времени. Шитье стало для меня не только ремеслом, но и еще одной формой труда, приучившей к аккуратности и терпению.

Во время школьных каникул мы с подружками нанимались работать на колхозные земли. Делали все, что требовалось, пололи, убирали траву, выполняли разную работу. Платили немного, но для нас это были собственные заработанные деньги. Все, что мы выращивали, отвозили на маленький базар в районе Рабочего городка, там, где сегодня находится торговый центр. Если урожая было много, мы с дядей Хаётом носили продукты в ведрах до остановки и ехали на Госпитальный базар, он был больше и оживленнее.

Этот постоянный труд не казался мне чем то необычным. Так жили все вокруг. Детство не отделялось от взрослой жизни. Мы рано понимали цену хлеба, цену усталости и цену помощи. В этом труде формировалась внутренняя дисциплина и уважение к работе других людей.

Так, среди поля, базаров, керосинового света и нескончаемой работы, проходили мои детские годы. Они не были легкими, но именно они научили меня стойкости и умению держаться, даже когда кажется, что сил больше нет.

Глава №3

В школу я пошла не сразу. В семь лет я была слишком маленькой и слабой, и дорога до школы из поля казалась слишком трудной. Поэтому в первый класс я пошла только в девять лет. К тому времени я уже многое умела, привыкла к работе и ответственности, но школьная жизнь стала для меня отдельным миром, со своими правилами и испытаниями.

Когда я впервые пошла в первый класс, я тяжело заболела краснухой. Болезнь была долгой, и практически весь первый класс я пролежала дома. В результате мне пришлось сразу перейти во второй класс. Так мое школьное обучение началось необычно, без плавного входа, сразу с ощущения, что нужно догонять и стараться.

В те годы мальчики и девочки учились отдельно. Я за свою школьную жизнь училась в трех разных школах. Первой была школа номер пятнадцать. Она находилась примерно на перекрестке нынешних улиц Себзор и Нурафшон, тогда эта улица называлась Кози куча. В этой школе я проучилась до четвертого класса. Школа была строгой, дисциплина жесткой, но учителя требовали знания и уважали старание.

С пятого по восьмой класс я училась в школе номер шестнадцать, которая располагалась в районе Себзора. Эти годы были особенно трудными, потому что учеба все больше сочеталась с тяжелой работой в поле. Но именно тогда я научилась организовывать свое время, читать на ходу, писать по ночам, запоминать уроки между делом.

После восьмого класса в школах ввели совместное обучение мальчиков и девочек. С восьмого по десятый класс я училась в школе номер двадцать два. Эту школу я и окончила. К тому времени учеба уже воспринималась мной не как обязанность, а как возможность. Я понимала, что знания открывают другой мир, менее зависимый от земли и физического труда.

Дорога в школу была долгой. Мы часто ходили пешком от Себзора до Юнусабада. По дороге читали книги, повторяли уроки, обсуждали задания. Школа не освобождала нас от работы, а работа не освобождала от школы. Эти два мира существовали параллельно и требовали равной отдачи.

Учителя видели, что мы уставшие, что часто приходим с полей, но снисхождения не было. И, возможно, именно это закаляло характер. В школе я научилась терпению, усидчивости и уважению к знаниям. Каждая выученная тема, каждая прочитанная книга давались нелегко, но именно поэтому они ценились.

Школа стала для меня окном в другой мир, в котором существовали история, литература, наука. Этот мир не отменял труд, но давал ему смысл. Я училась понимать, что знание и работа не противоречат друг другу, а дополняют друг друга.

Так прошли мои школьные годы, между дорогой и тетрадями, между полем и классной доской. Они были трудными, но именно они заложили во мне уважение к образованию и желание идти вперед, несмотря ни на что.

Глава №4

Со временем наша семья начала меняться. После того как отец закончил институт и его дела пошли в гору, было принято решение переехать. Он купил новый дом на Тахтапуле. В этот дом переехали все, включая деда Обид домла и всех детей. Старый дом на Кадалате постепенно опустел. Только двоюродные братья остались там, старшего из них звали Тошпулат. Для нашей семьи этот переезд стал важной вехой, началом нового этапа жизни.

Дом на Тахтапуле был просторнее, удобнее, но старый дом навсегда остался в памяти как место начала, как точка, откуда выросла вся семья. Единственная свадьба, сыгранная в старом доме, была первой. Все остальные свадьбы проходили уже в новом доме. Это было символично, как будто старая жизнь завершилась, а новая начиналась именно там, на Тахтапуле.

Дом на Тахтапуле находился недалеко от нынешней двадцать второй школы, на улице, которая тогда называлась Даринская. Со временем, когда начал застраиваться массив Себзор, старые дома снесли, и на их месте выросли многоэтажные здания. Исчезли дворы, айваны, сады, но память о них осталась в людях, которые там жили.

В 1938 году умерла моя бабушка по материнской линии. Тогда мы еще жили в Тахтапуле. Смерть в те годы была частым гостем, и люди относились к ней с особым, молчаливым принятием. Не было долгих разговоров, не было показного горя, была только внутренняя тишина и необходимость жить дальше.

Несмотря на утраты, семья старалась держаться вместе. После смерти матери мои дяди, Кодир и Хаёт, уделяли мне особое внимание. Они брали меня с собой, водили гулять, старались отвлечь от тяжелых мыслей, хотя сами жили в условиях постоянного напряжения и нехватки времени. Их забота была сдержанной, без лишних слов, но именно она помогала мне чувствовать себя не одинокой.

Родственники со стороны матери также оставались рядом. Они часто навещали нас, забирали к себе, старались поддерживать связь. Эти поездки, эти короткие визиты становились для меня маленькими островками тепла в сурной повседневности.

С годами я все яснее понимала, что дом это не только стены и крыша. Дом это люди, которые рядом, это память, которая не исчезает даже тогда, когда здание снесено, а улица переименована. Старые названия, Кадалат, Тахтапул, Себзор, жили во мне как часть личной истории, как ориентиры, по которым я мысленно возвращалась в прошлое.

Так в моей жизни переплетались переезды и утраты, новые дома и старая память. И чем дальше я уходила от тех лет, тем яснее становилось, что именно они сделали меня тем человеком, которым я стала.

Мой старший брат Эркин был для меня не просто родным человеком. Он стал примером того, как можно пройти жизненный путь спокойно, достойно и с пользой для других. Он получил высшее образование, окончил исторический факультет и всю свою жизнь был связан с книгами, текстами и знаниями. Долгие годы, до самой пенсии, он работал в типографии. Это была работа тихая, но важная, требующая аккуратности, внимания и ответственности.

Брат был членом Союза писателей. Он не стремился к громкой славе, не был человеком публичным, но его вклад был значительным. Он перевел несколько книг с русского языка на узбекский. Эти переводы не остались незамеченными. По некоторым из них позже были сняты узбекские фильмы. Для нашей семьи это было предметом особой гордости, но сам Эркин относился к этому спокойно, без самолюбования.

Даже выйдя на пенсию, он не оставил работу в типографии. Для него труд был естественным состоянием. Он не умел жить без дела, без ежедневного контакта с текстом, с бумагой, с печатным словом. Его жизнь была примером служения культуре, без громких слов и заявлений.

В детстве и юности он всегда был рядом, но никогда не подавлял своим авторитетом. Он не поучал напрямую, не навязывал своего мнения, но своим образом жизни показывал, что знание требует терпения и постоянства. Он умел работать молча, сосредоточенно, и именно это качество я в нем особенно ценила.

В 2004 году брат ушел из жизни. Его похоронили на кладбище Тешик копкок, рядом с матерью. Этот круг словно замкнулся. Люди, которые сопровождали меня с самого начала жизни, постепенно уходили, оставляя после себя память, книги, переводы, дела.

Когда я вспоминаю брата, я думаю не только о родстве, но и о внутренней культуре человека. О том, как можно прожить жизнь без шума, но с глубоким смыслом. Его путь показал мне, что настоящая ценность человека определяется не громкостью его имени, а тем следом, который он оставляет в умах и сердцах других.

Так брат стал для меня частью той тихой опоры, на которой держалась моя жизнь. Его пример остался со мной навсегда, как напоминание о силе знания, труда и скромности.

Моя жизнь с ранних лет проходила не в одиночестве, а среди людей, дорог и постоянного движения. Мы редко сидели на одном месте. То поле, то город, то школа, то базар. Все это формировало ощущение, что мир большой, но при этом очень тесный, где все друг друга знают, помогают и иногда ссорятся, но живут общей судьбой.

Во время войны хлеб выдавали по норме. За ним приходилось стоять в длинных очередях, иногда с ночи. Однажды тетя Назима взяла меня с собой, чтобы быстрее получить хлеб. Люди в очереди начали возмущаться, говорить, что она специально привела ребенка, чтобы пройти раньше. Я была светловолосой, с белой кожей, и многие думали, что я русская. Кто то кричал, кто то ругался. Тетя Назима не выдержала, расплакалась, и мы вернулись домой. Этот случай я запомнила как одно из первых столкновений с человеческой жесткостью, рожденной голодом и страхом.

Но рядом с жесткостью всегда шло и добро. Люди делились последним, помогали друг другу молча, без лишних слов. В нашем доме держали корову, и молоко часто выручало не только нас, но и соседей. Иногда мы меняли молоко на другие продукты, иногда просто отдавали тем, кому было тяжелее.

Я часто ходила на базар вместе со взрослыми. Базар был не просто местом торговли. Это был живой организм, где сходились судьбы, где можно было услышать новости, понять, как живет город. Маленький базар в Рабочем городке, а позже и Госпитальный базар, остались в моей памяти как шумные, пестрые места, наполненные голосами, запахами и движением.

Дороги тоже были частью моей жизни. Мы много ходили пешком. Эти дороги закаляли, учили терпению. По пути мы читали, разговаривали, делились мыслями. Возвращаясь со школы или с поля, мы не чувствовали себя одинокими, потому что рядом всегда были люди.

С годами я начала понимать, что именно эти дороги и люди научили меня смотреть на жизнь шире. Я рано увидела разные стороны человеческого характера, жадность и щедрость, жесткость и сострадание. Все это становилось частью внутреннего опыта.

Детство среди людей не давало возможности замкнуться в себе. Оно требовало открытости, умения ладить, терпеть и помогать. И именно за это, несмотря на все трудности, я благодарна тем годам, которые сделали меня внимательной к другим и к самой жизни.

С годами я все отчетливее начинала понимать, что значит быть женщиной в то время. Это не обсуждалось, этому не учили словами. Это просто входило в жизнь через обязанности, через ожидания, через необходимость быть сильной молча. Женская доля была определена заранее, работать, терпеть, заботиться и не жаловаться.

С раннего возраста я привыкла к тому, что на мне лежит ответственность. Дом, поле, младшие, пожилые, все это было частью повседневности. Никто не спрашивал, устала ли я, есть ли у меня силы. Считалось, что если человек жив, значит, он может работать. И мы работали. Не потому что хотели, а потому что иначе было нельзя.

Я видела, как женщины вокруг меня несли на себе целые семьи. Мужчины уходили на фронт, погибали, пропадали без вести. Женщины оставались. Они поднимали детей, обрабатывали землю, ходили на базары, стояли в очередях, выживали. Они не называли себя сильными, но именно на них держалась жизнь.

Бабушка Зебинисо была для меня главным примером. Она никогда не говорила о своей усталости. Ее сила была в постоянстве. Каждый день был похож на предыдущий, но именно это повторение давало устойчивость. Я училась у нее терпению, умению делать дело до конца, не ожидая похвалы.

Шитье, работа в поле, учеба, все это переплеталось. Я рано стала самостоятельной. Я умела рассчитывать время, силы, продукты. Я знала, сколько нужно муки, сколько хватит дров, что можно отложить, а что нужно сделать сегодня. Это была не взрослая мудрость, а вынужденная необходимость, но она формировала характер.

Я не мечтала громко. Мечты были тихими, внутренними. Главное было выстоять, закончить школу, не быть обузой, быть полезной. В этом была своя гордость. Женщина в те годы измеряла себя не словами, а делами.

Так постепенно во мне укреплялось чувство внутренней опоры. Я понимала, что могу рассчитывать на себя. И это понимание стало одним из самых важных приобретений моей жизни, рожденным не в спокойствии, а в труде и терпении.

Война оставила след не только в судьбах людей, но и в нашем внутреннем мире. Даже когда вокруг начиналась мирная жизнь, внутри она еще долго не наступала. Мы выросли рано, потому что детство не имело времени быть долгим. Каждый прожитый день становился частью общего опыта выживания.

Черное письмо о гибели моего отца пришло в 1943 году. Я была еще ребенком, но я отчетливо помню, как изменилась атмосфера в доме. Слова стали редкими, движения более медленными. Дед долго не мог смириться с этим известием. Он писал, спрашивал, надеялся. Ответы приходили одинаковые, сухие, бездушные. Пропал без вести. Эти слова еще долго оставляли место для надежды, а надежда не давала покоя.

Отец уходил на фронт вдовцом. По селу и среди родственников ходили разные разговоры. Кто то говорил, что он мог жениться там, на фронте, и остаться жив. Дед не верил слухам, но именно поэтому и продолжал поиски. Только спустя годы он принял неизбежное. Для меня это стало уроком того, как любовь и надежда могут быть сильнее официальных бумаг и печатей.

Постепенно страна начинала подниматься. Восстанавливались города, возвращались люди, открывались школы. Но внутри каждого из нас жила память о том, чего мы лишились. Эта память не была громкой. Она жила в тишине, в привычке экономить хлеб, в умении радоваться малому.

Я росла, переходя из детства в юность. В этом переходе не было резкой границы. Он происходил незаметно, между работой, учебой и заботами. Я все чаще задумывалась о будущем, но оно не представлялось ясным и легким. Я знала одно, каким бы оно ни было, я должна быть готова к труду и ответственности.

Война научила нас главному, жизнь может измениться в один день, и к этому невозможно подготовиться заранее. Но можно подготовить себя внутренне, быть устойчивой, не терять человеческого достоинства даже в самых тяжелых условиях.

Так, вместе с окончанием войны, во мне завершался один этап жизни. Детство, наполненное трудом, потерями и ранним взрослением, постепенно уступало место новому времени, в котором предстояло искать свое место уже осознанно.

После окончания школы жизнь словно сделала короткую паузу, давая возможность оглянуться и собраться с мыслями. За плечами остались годы, наполненные трудом, учебой, утратами и ранней ответственностью. Впереди открывался путь, где уже нельзя было просто сле-

довать за обстоятельствами. Приходило время делать собственный выбор, пусть пока и без громких решений.

Я никогда не была человеком, который строит воздушные замки. Мои мечты были сдержанными и молчаливыми. Я понимала, что жизнь не обещает легкости и что любое продвижение вперед требует усилий. Главное для меня было сохранить внутреннюю устойчивость, не потерять уважение к труду и к себе, потому что именно это всегда помогало выживать.

В эти годы особенно остро ощущалась связь с семьей. Дед Обид домла старел, брат жил своей жизнью, многие близкие уже ушли. Но чувство принадлежности к роду не ослабевало. Я чувствовала ответственность не только за себя, но и за память о тех, кто был до меня. Их судьбы, их труд, их терпение жили во мне и направляли мои шаги.

Женская самостоятельность, к которой я привыкла с детства, теперь стала осознанной частью моего характера. Я умела работать и не боялась труда. Я умела учиться и не отступала перед сложностями. Я умела принимать обстоятельства и находить в них опору. Это давало уверенность в том, что я смогу справиться с любыми переменами.

Город вокруг менялся. Старые улицы исчезали, дома сносились, на их месте появлялись новые здания. Но внутри меня продолжал жить тот Ташкент, который сформировал меня, с его узкими улицами, айванами, тандырами и светом керосиновой лампы. Эта память была не грузом, а опорой.

Период после школы стал временем тихих надежд. Без громких слов и резких поворотов. Это было время внутренней готовности идти дальше, принимая жизнь такой, какая она есть, и делая в ней все возможное с достоинством и терпением.

Оглядываясь на прожитые годы, я все яснее понимаю, что мое детство и юность были не просто этапами жизни, а фундаментом, на котором строилось все последующее. В них не было изобилия, не было легкости, но было главное, труд, память и внутренняя стойкость. Именно это стало моим настоящим наследством.

Я выросла в мире, где ценились не слова, а дела. Где человек определялся тем, насколько он способен выдержать трудности и при этом сохранить человечность. Потери научили меня молчаливой силе, работа научила терпению, школа научила стремлению к знанию, а семья научила ответственности за других.

Война и болезнь забрала у меня родителей, но они не смогли забрать способность чувствовать, сочувствовать и помнить. Память стала частью моего характера. Я несла в себе лица близких, запахи старых домов, свет керосиновой лампы, вкус простого хлеба. Все это жило во мне и помогало не потеряться в меняющемся мире.

Когда начиналась взрослая жизнь, я уже знала, что не жду от нее легкости. Я была готова работать, учиться, принимать решения и нести за них ответственность. Во мне не было иллюзий, но была уверенность, что труд и честность всегда дают опору.

Этот рассказ о моих первых годах жизни не о трудностях ради трудностей. Он о времени, которое сформировало меня. О людях, которые ушли, но остались во мне. О доме, которого больше нет, но который живет в памяти. О дороге, которая началась задолго до того, как я сама осознала, что иду по ней.

Так завершился один круг моей жизни и начался другой. И все, что было пережито в детстве и юности, стало не прошлым, а частью меня самой, тем, с чем я шла дальше, принимая жизнь такой, какой она мне была дана.

Глава №5

Когда я закончила школу, я училась хорошо и чувствовала в себе уверенность. Мне было ясно, что с теми знаниями, которые у меня есть, я смогу сдать вступительные экзамены и поступить в институт. Учеба никогда не давалась мне легко, но я умела работать, терпеть и доводить начатое до конца. Я не сомневалась в своих силах.

С этой мыслью я подошла к бабушке Зебинисо. Для меня ее слово всегда было решающим. Я спросила у нее разрешения поступать дальше учиться. Вопрос был задан спокойно, без давления, но с внутренней надеждой. Ответ бабушки был таким же спокойным и окончательным.

Она сказала, что у меня нет отца, что я должна думать не об институте, а о будущем замужестве. Что мне нужно устроиться на работу, помогать дому и начинать собирать приданое. В ее словах не было жесткости. Это был не запрет, а взгляд человека, который прожил долгую и тяжелую жизнь и знал цену каждому шагу.

Я согласилась сразу. Не потому что не хотела учиться, а потому что понимала, спорить было бессмысленно. В нашем мире судьбу не ломали, ее принимали. В этом решении не было обиды, только тихое согласие с тем, что так будет правильнее для семьи.

Так я сделала свой первый взрослый выбор, который на самом деле был не выбором, а принятием ответственности. Я не плакала и не жаловалась. Я знала, что если не могу идти одной дорогой, значит, должна пройти другую достойно.

Наша соседка работала на фабрике «Шарк гули». Она помогла мне устроиться туда. Так началась моя трудовая жизнь. Я стала работать швейей. Мы шили разные вещи, в основном приданое для невест. Каждая вещь, прошитая моими руками, была частью чьей то будущей семьи, чьей то новой жизни.

Работа была тяжелой, но знакомой. Я умела сидеть за делом долго, аккуратно, не отвлекаясь. Фабрика стала для меня продолжением того уклада, к которому я привыкла с детства, труд, порядок, женская сдержанность и взаимная поддержка.

Я получала первые деньги, заработанные своим трудом. Они не были большими, но имели особую ценность. В них было мое согласие с судьбой, моя самостоятельность и мое взросление. Я больше не была просто девочкой из дома деда. Я становилась женщиной, которая умеет работать и нести ответственность.

Так закончился один этап моей жизни и начался другой. Без громких слов, без резких перемен. Просто, как всегда у нас, через труд и молчаливое принятие.

Фабрика «Шарк гули» стала для меня новым миром, но не чужим. В этом мире, как и в поле, как и в доме деда, все держалось на труде, порядке и умении молча выполнять свое дело. Я пришла туда не девочкой, ищущей легкой жизни, а человеком, который уже знал цену работе и ответственности.

Мы шили разные вещи, каждая ткань, каждый шов были частью будущей семьи, частью новой жизни. Я часто думала о том, что эти вещи будут храниться годами, переходить из дома в дом, и в этом было что то тихо важное. Мой труд не был показным, но он имел смысл.

На фабрике работали в основном женщины. У каждой была своя судьба, свои заботы, своя боль, но об этом редко говорили вслух. Мы понимали друг друга без слов. Там не жаловались, там работали. Женская среда была строгой, но справедливой. Если ты хорошо выполняла свою работу, тебя уважали. Я старалась работать аккуратно и добросовестно, и это быстро заметили.

Рабочий день был долгим. Машинки стучали без перерыва, и этот звук со временем становился привычным, почти родным. Я сидела за работой сосредоточенно, не отвлекаясь, так,

как меня учили с детства, сначала дело, потом все остальное. Это умение держать внимание и терпеть пригодилось мне здесь особенно.

Заработок был небольшим, но для меня он имел особую ценность. Это были первые деньги, которые я зарабатывала постоянно, не случайным трудом, а официальной работой. Я помогала дому, откладывала понемногу на приданое, как и говорила бабушка. В этих деньгах было мое взросление, моя самостоятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.